

АКВАТИЧЕСКИЕ И СОЛЯРНЫЕ МОТИВЫ В ЛЕТНИХ ТЕКСТАХ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Е. В. Шохина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается мифопоэтика летних лирических текстов пушкинской поры, включающая в себя солярные мифы и акватические мотивы. Доминантной мифологемой становится могущественное светило — солнце, заключающее в себе мощный ассоциативный поэтический потенциал. Солярным мотивам сопутствуют акватические; взаимосвязанные с ними и противоборствующие им одновременно. Образ водной стихии представлен любовными, русалочьими мотивами, мотивами очищения, дождя / бури, не всегда маркированными положительно.

Ключевые слова: поэзия пушкинской поры, мифопоэтика, лето, поэтика времен года, акватические мотивы, солярный миф.

Abstract: the article considers the mythopoetics of the summer lyrical texts of Pushkin's time, which includes solar myths and aquatic motifs. The dominant mythologeme is a powerful luminary — the sun, which contains a powerful associative poetic potential. The solar motifs are accompanied by aquatic ones. Interconnected with them and opposing them simultaneously. The image of the water element is represented by love, mermaid motifs, motifs of cleansing, rain / storms, not always marked positively.

Keywords: Pushkin's poetry, mythopoetic, summer, poetics of the seasons, aquatic motifs, solar myth.

Комплекс летних текстов начала XIX века включает в себя знаковые приметы лета, отличающие это время года от предшествующей ему весны: на первый план выходит образ солнца, несущего в себе жар / зной / огонь, с которым может соперничать только образ воды, воплощенной в дожде, росе, различных водоемах. Лето — жаркий сезон, когда природа находится в самом расцвете, она роскошна, прекрасна, богата, что отражается в подавляющем большинстве текстов интересующего нас периода: «В дни лета природа роскошно, / Как дева молодая, цветет, / И радостно денно и ночью / Ликует, пирует, поет» [1, 283] (П. Вяземский «Зима»).

Доминантной мифологемой летних текстов становится могущественное светило — солнце, заключающее в себе мощный ассоциативный поэтический потенциал. «В поэзии культивируются идеи, непосредственно связанные с животельной энергией Солнца: торжество жизни, гармония человека и природы в циклически повторяющемся круговороте времен года, связанные с природным циклом явления — молния, гром, ветер, дождь — что составляет мифопоэтический космос солярного культа» [2, 517]. Согласно языческой символической, солнечный бог — посредник между небом и землею, а согласно христианскому восприятию, солнце — это «естественный символ Христа» [3, 40].

С солнцем органически связан комплекс определенных образов и мотивов: огонь, тепло, жизнь, жар, свет.

В связи с тем, что дневное светило способствует развитию жизни, обновлению природы, оно наделяется функциями творящего начала: «О, первых листьев красота, / Омытых в солнечных лучах, / С новорожденною их тенью!» [4, 134] (Ф. Тютчев «Первый лист»). Также солнце выполняет роль гармонизирующего начала, связанного с сохранением космического порядка. Лирический субъект летних текстов воспринимает появление летнего светила как момент наивысшей интенсивности самого света, его нестерпимой жгучести.

Согласно мифологической логике, часть абсолютно тождественна целому, поэтому луч обладает всеми признаками самого солнца [5, 68]. Солнечный луч эксплицирует лето в разных ипостасях: начало лета или конец, жаркое / палящее или прохладное: «И солнце вершины лесные / Тоскливым лучом обдает: / Знать, в нем уходящее лето / Лобзание прощальное шлет» [6, 211] (А. А. Фет «Желтеет древесная зелень...»); «Омытый Феб, спустяся с полден, / Лучи косые мечет в мир / С своих пылающих колес» [7, 151] (С. С. Бобров «Херсонид»).

«Связь золота, райского сада и его плодов с солнцем характерна для солярных мифов и основанных на них волшебных сказок многих народов, в том числе славян» [8, 461-462]. Золото является традиционным солнечным металлом, а лето часто наделяется эпитетом «золотое»: «Настанет лето золотое, / Природа, радости полна, / Вздохнет отраднее в покое» [9] (Н. А. Некрасов «Весна»), «Давно им грезились весной, / Весной и летом золотым...» [4, 134] (Ф. Тютчев «Первый лист»).

Согласно мифологической системе, солярные мифы относятся к астральным мифам. В наиболее архаических изводах солярные мифы представляют собой близнечные мифы, в которых солнце и месяц / луна образуют пару связанных и одновременно противопоставленных друг другу героев. Поэтому в *летних* текстах на смену солнцу неоднократно приходит луна, также выступая отличительным знаком летнего периода. «Я уезжал — то было летом, — / Сияла пышная луна, / Была прозрачным полусветом / И свежей влагой ночь полна» [10, 158] (Н. П. Огарев «Зимний путь»). Маркером преобразования ночного мира в ранней лирике А. Фета является игра «отраженного» лунного света [5, 70–72].

Луна, выступая покровительницей женщин, позволяет лирическому субъекту выстроить с нею более интимные отношения, чем с солнцем: она участлива и доброжелательна, что объясняет ее «оберегающую» функцию в лирике по отношению и к влюбленным, и к миру в целом. Органична связь луны с водными мотивами: она отражается в воде или освещает свидание героев в роще. Это связано со многими традиционными древними культами: вода считается стихией Луны, так как она, подобно воде, является образом, воплощающим женское начало. Излюбленным приемом Фета становится отражение видимого мира в воде и таким образом превращение луны в «тень теней» [5, 70–72].

Субстанция воды является антитетичной по отношению к стихии солнца / огня; однако античное философское учение «рассматривает воду в структуре космоса как модификацию огня» [5, 79], возможно, поэтому в поэзии начала XIX века соперничество этих стихий не рождало острого конфликта. Герои могли страдать от летнего зноя и желать появления живительной влаги в виде дождя или ручейка в тени деревьев. В стихотворении В. Жуковского «Песня» читаем: «Где фиалку я видал, / Там поток игривой / Сердце в думу погружал / Струйкой говорливой... / Пламень лета был жесток; / Истощенный, смолк поток» [11, 268].

Как отмечает Г. Башляр, «вода есть объект одной из величайших символических ценностей, когда-либо созданных человеческой мыслью: архетипа чистоты» [12, 34]. Именно поэтому вода связана со святостью: освященная вода смывает грехи с человека. Вода олицетворяет собой все движущееся, а в связи с этим изменчивое, а также дарит земле плодородие, представляя собой основу всего плодородного [13, 166]. Солнце и вода — вот два элемента, которые нужны для того, чтобы летом природа могла плодоносить.

Будучи динамичной стихией, вода может вступать в различные соединения с другими элементами мира и принимать самые разнообразные формы. Солнце дарит воде свой атрибут — связь с золотом, а вода, будучи сопряженной с образами текучести,

плавности, жидкости, растворяет золото солнца в себе: «Стеклянные реки лучом полуденным / Жидкому злату подобно текут...» [14, 300] (Г. Р. Державин «Лето»). Неслучайно в стихотворении А. Н. Майкова «Летний дождь» вода, предстающая в виде дождя, превращается в драгоценный металл: «Золото, золото падает с неба!» — / Дети кричат и бегут за дождем...» [15].

Г. П. Козубовская определяет водное пространство как место обитания божеств: «сумрачный чертог Наяды говорливой» — мифологизированное пространство; «подводный чертог» — место любви богов, Аполлона и Фетиды; «зеркало Наяд» — место и одновременно атрибут божеств [5, 84]. Мифологема воды может играть роль как женского, так и мужского начала. Богини любви непременно связаны с водой, что объясняет широкое распространение эротической метафоры воды. Вот почему именно лето — это период, когда для героев, возможно, наступает последний шанс признаться друг другу в чувствах и насладиться любовными восторгами: «Кто там под сено-листным сводом... / Спешит к живому водоему?... / То Цульма, благородна дочь,... / Спешит искать в струях прохлады» [7, 154] (С. С. Бобров «Херсониды...»).

Присутствующие в разных мифологических системах мифы о соперничестве двух божеств — божества солнца и божества грозы — находят отражение и в русской поэзии: «Ты в лете, окружен и зноем и грозою... / То нам благотворишь, сокрытый туч громадой. / И в полдень пламенный, и ночи в тихий час, / С дыханием дубрав, источников с прохладой, / Не Твой ли к нам летит любви полный глас?...» [11, 81] (В. А. Жуковский «Гимн»). Вода, «репрезентированная как дождь и слезы», коннотирует собой очищение в фетовском поэтическом мире [5, 85]: «Ни тучки нет на небосклоне, / ...И в дальном колокольном звоне / Как будто слезы неба есть» [6, 303] (А. Фет «Дождливое лето»). Это стихотворение раскрывает такой ракурс бытия, где в едином настроении безверия и общего страдания оказываются земля, природа и человек [5, 119]. Г. Козубовская отмечает протеичность дождя, которая «обусловлена космическим ритмом, она знак неизменности внутри временного природного цикла» [5, 85]: «Вчера зарей впервые у крыльца вечерний дождь звездами начал стынуть» [6, 303] (А. Фет «Псовая охота»). Образ дождя сопрягается с шумом, бурей, даже с опасностью, маркированной затемнением неба. В основе такого страха перед ливнем лежит архетип о рассерженном божестве, которое появляется из воды в особые, пограничные моменты бытия — в бурю, когда высшие силы угрожают земному: «Шумит над нивой грозна буря: / Ложится нива перед бурей... / С небес шумливый дождь стремится, / Из глаз его ток слез катится» [7, 147] (С. С. Бобров «Херсониды»). Таким образом, в абсолютно противо-

положных ипостасях лета — зное и дожде, душа лирического субъекта равно может соприкоснуться с природой.

В поэтической системе А. С. Пушкина семантика лета связана с так называемым «русалочьим текстом», который становится основным ядром *летних* текстов в пушкинской лирике и влияет на остальные произведения [16, 11–14]. «Однажды летом у порогу / Понишкой хижины своей / Анахорет молился богу. / Дубравы делались черней / Туман над озером дымился...» [18, 81] (А. С. Пушкин «Русалка»). Однако Л. В. Гайворонская отмечает, что анахорет сам делает шаги навстречу злу, монах молится на берегу озера и прекращает молитву с наступлением темноты, как бы зазывая скорее кого-то из темной пучины. В образе русалки прочитываются демонические ноты, связанные с особым взглядом — «чудном взоре» демона, бледностью, ярко выделяющейся на фоне ночи [17, 95–99]: «Дубравы вновь оделись тьмою; / Пошла по облакам луна, / И снова дева над водою / Сидит, прелестна и бледна» [18, 82] (А. С. Пушкин «Русалка»).

Летние любовные коллизии Пушкина описаны в печальном свете, так как в пушкинском мире герои обретают истинную любовь только зимой, благодаря провидению судьбы. Летние романы разочаровывают лирического субъекта или могут обратиться «ловушкой судьбы»: «Вянет, вянет лето красно; / Улетают ясны дни; / Стелется туман ненастный / Ночи в дремлющей тени... / Хладен ручеек игривый...» [18, 249] (А. С. Пушкин «К Наташе»); «Летним вечером страшитесь / В темной рощице воды: / В темной рощице таится / Часто пламенный Эрот...» [18, 262]. Как и в русалочьих текстах, опасность для героя исходит из водного пространства: бог любви прячет там свои стрелы. Вода несет в себе в данном случае, несомненно, мужское начало (недаром это «он», ручей, поток, нескромно ведет себя с молодой красавицей): «И прелести ее поток волной игривой / С весельем орошал. / Житель рощи торопливый, / Будь же скромн, о ручей!» [18, 261] («Леда» (Кантата)).

На фоне столь мрачной семантики лета единственное «светлое пятно» — локус дубрав у воды, представляющийся местом не только для любовных встреч с русалками, но и творческих устремлений поэта, а в некоторых случаях, подключая «реалии» античной мифологии, и свиданий с музой [16, 14–15]. Лето — это время изнурения человека в физическом плане из-за жары / духоты, которые губят душу («душевные способности»). Эта «архисема» лежит в основании всех летних событий в пушкинских текстах [16, 10]: «Ох, лето красное! любил бы я тебя, / Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи. / Ты, все душевные способности губя, / Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи» [18, Т.2., с. 379] (А. С. Пушкин «Осень (Отрывок)»).

И у Пушкина, и у Тютчева наблюдается частотное обращение к водной стихии, связанной часто с комплексом *летних* текстов. У поэтов восемнадцатого века Тютчев перенимает стилистические приемы изображения пейзажей: живописное изображение — у Державина [19, 79], используя яркие и насыщенные цвета в описании природы; перекличка с текстами Ломоносова наблюдается на образном уровне: например, в стихотворении «Летний вечер» с «Одой на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года» [19, 78]. Если у Ломоносова солнце в конце вечера опускается в волны, то у Тютчева «мирного вечера пожар» поглощается морской волной. В строках: «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею» — прочитывается соперничество еще и между водной и воздушной стихиями.

Часто в поэтических текстах начала XIX века, посвященных лету, художники четко не разграничивают весну и лето, смешивая их названия даже в стихотворениях, описывающих уже сезон июля-августа, превращая тем самым лето в форму весны. Скорее всего, такое плавное перетекание одного времени года в другое связано с древней традицией, разделяющей годовой цикл всего на две части: весну, как время зарождения жизни, и осень, как ее смерть.

Попытка обозначить принципиальные границы между весной и летом в поэтическом сознании приводит к выявлению отличительной черты лета: оно обладает жаром, зноем, которые обрушиваются на лирического субъекта с не меньшей силой, чем летние ливни и бури. «Лето пугает своей стихийной мощью, за пределом которой — разрушение» [5, 119]. Полдnevный зной и умиротворение летнего вечера, чаще всего у водоема, «равноценны в силу причастности к ним человека, включенного в процесс мировой жизни, ставшего свидетелем мирового пожара» и его затухания [5, 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. — Л. : Советский писатель, 1958. — 506 с.
2. Маркелова Е. Е. Мифопоэтика луны в русском искусстве рубежа XIX–XX веков / Е. Е. Маркелова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — №2. — Т.14. — 2012. — С. 516–520.
3. Авдейчик Л. Л. Огненно-световая сфера природы в поэзии В. С. Соловьева / Л. Л. Авдейчик // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика, 2007. — № 3-4. — С. 39–46.
4. Тютчев Ф. И. Первый лист / Ф. И. Тютчев // Лирика: В 2 т. / АН СССР. — М. : Наука, 1966. — Т. 1. — 448 с.
5. Козубовская Г. П. Поэзия А. А. Фета и мифология: учебное пособие / Г. П. Козубовская. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 256 с.

6. Фет А. А. Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839-1863 / А. А. Фет. — СПб. : Академический проект, 2002. — 552 с.
7. Бобров С. С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом. Лирико-эпическое песнотворение / С. С. Бобров // Поэты 1790-1810-х годов. — Л. : Советский писатель, 1971. — С. 132-158.
8. Иванов Вяч. Вс. Солярные мифы / Вяч. Вс. Иванов // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1980. — Т. 2. — С. 461-462.
9. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах / Н. А. Некрасов. — М. : Наука, 1981-2000. Режим доступа : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/nekrasov33.html> (дата обращения: 20.03.2017).
10. Огарев Н. П. Зимний путь / Н. П. Огарев // Избранные произведения в 2х томах. — Т.2. Поэмы. Проза. Литературно-критические статьи. — М, 1956. — С. 145-161.
11. Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. / В. А. Жуковский. — М.; Л., 1959. — Т. 1. — 480 с.
12. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. — 268 с.
13. Эвола Ю. Метафизика пола / Ю. Эвола. — М. : Беловодье, 1996 — 448 с.
14. Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. — Л. : Советский писатель, 1957. — 465 с.
15. Майков А. Н. Сочинения в двух томах. / А. Н. Майков. — Том 1. — Режим доступа : http://az.lib.ru/m/majkow_a_n/text_0220.shtml (дата обращения: 20.03.2017).
16. Гайворонская Л. В. Семантика времен года в художественном мире А. С. Пушкина / Л. В. Гайворонская. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 196 с.
17. Гайворонская Л. В. Характерология русской литературы (первая треть XIX в.): учебное пособие для вузов / Л. В. Гайворонская. — Воронеж : ИТОУР, 2009. — 108 с.
18. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах / А. С. Пушкин. — М. : ГИХЛ, 1959-1962. — Т. 1. — Т. 2. — 643 с.
19. Шапурина А. В. Традиции русской поэзии XVIII века в лирике природы Ф.И. Тютчева / А. В. Шапурина // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — №1 (38) — 2013. С. 72-82.

*Воронежский государственный университет
Шохина Е.В., аспирант
E-mail: shoelen@mail.ru*

*Voronezh State University
Shohina E.V., Postgraduate Student
E-mail: shoelen@mail.ru*